

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ (КОНЕЦ XIX в. — 1917 г.)

Михаил Старовойтов

Вопросы миграции в настоящее время приобретают все большую актуальность в различных отраслях науки: правовой, исторической, социальной и др. Для полного понимания нынешних миграционных тенденций важно рассмотреть данный вопрос в определенные исторические периоды. При этом под миграционными процессами следует понимать переселения, перемещения людей, вызванные экономическими, политическими, национальными, религиозными, военными и другими причинами [13, с. 233–234].

Миграционные процессы, которые проходили в обозначенный период в сложнейших условиях, рассматриваются нами как крестьянские переселения, отходничество, эмиграция и проблема беженцев. В совместной российско-белорусской монографии о белорусах в Сибири дается достаточно полный историографический анализ исследований указанных составляющих [17, с. 17–22]. Крестьянские переселения и отходничество рассматриваются в исследованиях В. П. Панютяча [18], Б. В. Тихонова [33]. Эмиграции посвящены работы Г. Г. Сергеевой [32], А. В. Тихомирова [35; 36] и др. Проблема беженцев Первой мировой войны до сих пор сохраняет свою актуальность. Она еще «не получила целостного освещения, а многие ее стороны вообще не изучены», подчеркнул А. Н. Курцев на международном colloquium в июне 1998 г. в Санкт-Петербурге [10, с. 172]. На необходимость ее комплексной разработки указывают украинские историки [25; 27]. Свой вклад в ее разработку внесли А. М. Бобков [2], М. В. Кобрин [9] и другие белорусские исследователи. Проблемам белорусских беженцев посвятили кандидатские диссертации С. Ф. Лапанович [11] и В. С. Утгоф [34], вопросам беженцев в современной Беларуси — А. В. Селиванов [26].

Несмотря на наличие обстоятельных исследований известных историков-демографов, академик РАН Ю. А. Поляков в предисловии к трехтомнику «Население России в XX веке» отметил, что изучение истории населения является «задачей первостепенного научного и общественного значения» [14, с. 5]. В связи с этим проведение сравнительного анализа миграционных процессов в белорусско-российско-украинском пограничье (БРУП) особенно актуально. В этом огромном полиэтническом регионе (отнесенные к нему губернии см. в таблице) проживало более 18 млн человек, что составляло пятую часть всего населения Европей-

ской России [16, с. 2–3]. Цель данной статьи — показать, как миграционные процессы затронули население пограничья и, прежде всего, его белорусской части. В таком аспекте данная проблема в отечественной историографии не исследовалась (большая часть расчетов сделана автором).

Значительное количество уроженцев девяти губерний БРУП в результате предшествующей внутренней миграции к концу XIX в. оказалось за пределами своей малой родины. Общее количество лиц обоего пола, проживавших вне губернии, в которой они родились, составляло: Витебской — 144 761 человек, что составляло 9,5 %, а удельный вес неместных уроженцев в ней — 7,7 %; Минской — 137 173 (соответственно 6,3 и 5,0 %); Могилевской — 142 374 (8,1 и 4,3 %); Орловской — 299 620 (13,4 и 4,4 %); Псковской — 94 116 (8,1 и 4,8 %); Смоленской — 180 171 (11,0 и 4,6 %); Волынской — 142 100 (4,9 и 7,9 %); Киевской — 274 457 (7,6 и 6,7 %) и Черниговской — 299 243 (11,8 и 2,9 %) [16, с. 118–119; 20, с. 56, 70]. Выходцы из БРУП в разной степени были рассредоточены по огромной территории Российской империи, что хорошо видно из таблицы. Это свидетельствует об участии населения пограничья (в абсолютном большинстве переселенцев) в решении как своих — получение работы, земли, так и общегосударственных задач — освоение Сибири и Дальнего Востока, Кавказа, Казахстана и Средней Азии. Наибольшее количество переселенцев в перечисленных регионах составили уроженцы Черниговской и Орловской губерний. В среднем же в соседних с БРУП губерниях находилось 19,53 %, в других губерниях Европейской России — 56,98, в Привислинских — 4,79, в Сибири — 9,88, на Кавказе — 7,21, в Средней Азии — 1,60 % переселенцев. Уроженцев Волынской и Минской губерний было больше в польских губерниях, чем в остальных неевропейских регионах России.

Анализ данных показывает, что 30 % населения белорусских губерний было рассредоточено в соседних губерниях БРУП, 11 % — в российских, а 20 % — в украинских губерниях. По другим, не представленным в таблице, губерниям Европейской России эти показатели равнялись соответственно 53, 72 и 50 %. Из таблицы видно, что в конце XIX в. значительная доля выходцев из Черниговской, Орловской и Витебской губерний зафиксирована переписью в Сибири и на Кавказе. Сравнения по губерниям тоже дают интересную инфор-

Автор:

Старовойтов Михаил Иванович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Тугай Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древних цивилизаций и Средневековья исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

Кохановский Александр Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета

Распределение выходцев из БРУП по Российской империи в 1897 г., %

Место рождения	Находились в уездах и городах (оба пола)					
	БРУП	Др. губ. Евр. России	Привислинские губ.	Кавказ	Сибирь	Ср. Азия
Витебская	23,63	63,93	2,92	1,18	7,38	0,96
Минская	30,60	55,50	7,77	1,71	3,92	0,50
Могилевская	48,19	40,22	3,88	3,59	3,47	0,65
Орловская	10,41	61,11	2,09	11,90	12,80	1,69
Псковская	11,29	79,00	2,02	0,73	6,50	0,46
Смоленская	12,28	74,87	2,88	1,79	6,90	1,28
Волынская	30,00	47,08	15,20	1,51	5,12	1,09
Киевская	12,14	68,93	4,76	7,83	5,05	1,29
Черниговская	17,19	33,76	4,60	17,10	23,49	3,86

И с т о ч н и к: разработка автора по [16, с. 118–119].

мацию. Например, 10 687 уроженцев Витебской и 6118 Псковской губерний обосновались в далекой Сибири, а соответственно — 40 111 и 59 200 человек в Санкт-Петербургской (50 и 74 % — в столице) [16, с. 124, 128]. Белорусы, участвуя в социально-экономической жизни страны, оказались под взаимообусловленным влиянием демографических и этнокультурных процессов, которые способствовали их естественной ассимиляции и русификации. В связи с этим считаем целесообразным привести полученные нами данные о численности белорусов, проживавших в местах, в которые в конце XIX в. были направлены основные миграционные потоки. По данным переписи 1897 г., в Сибири было учтено 21 011 уроженцев (выходцев, а не белорусов. — М. С.) трех губерний БРУП и 12 919 человек из Виленской и Гродненской губерний. Из пяти белорусских губерний было 33 930 переселенцев, а из одной только Черниговской — 70 292 чел., т. е. в 2,1 раза больше. Следовательно, предыдущие потоки переселенцев из белорусских губерний были значительно меньшими, чем из многих украинских или российских губерний.

Наши расчеты показали, что на Кавказе проживало 19 559 белорусов, в Сибири — 12 117, в Средней Азии — 828 [16, с. 2–3; 20, с. 82, 84, 86]. Это подтверждается и другими исследованиями. Так, по подсчетам С. В. Матюнина, в 1897 г. в Сибири и Средней Азии проживало около 13 тыс. белорусов [12, с. 40]. Российские исследователи указывают, что белорусов (по родному языку) в 1897 г. в Томской губернии было 4586 человек, Тобольской — 4396, а в Иркутской — 209 человек. Всего белорусов в Сибири насчитывалось 12 234 человек, или 0,27 % от числа русских [17, с. 83, 118]. В то же время иудеев в Сибири проживало 34 553 чел. [16, с. 3; 20, с. 81].

Перепись 1897 г. установила и такие факты. Выходцы из Черниговской, Орловской и Киевской губерний на 71,5–62,5 % проживали в уездах империи, Витебской, Минской и Могилевской — на 59,2–53,9 %, Псковской и Смоленской — на 70,5–62,1 %, а Волынской — на 57,2 % проживали в городах [16, с. 118–119].

О мобильности рабочих и прислуги, выходцев из белорусских, российских и украинских губерний БРУП, свидетельствуют следующие данные. Более 68 % мужчин и 78 % женщин были

заняты в качестве рабочих и прислуги в белорусских губерниях. В украинских губерниях этот показатель равнялся соответственно 74 и 83 %, а в российских — 46 и 58 %. За пределами Европейской России в качестве рабочих и прислуги работало больше выходцев из российских и украинских губерний. Так, в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии выходцев из белорусских губерний было 3 % мужчин и 1,3 % женщин, из российских — соответственно более 5 и более 2 %, а уроженцев украинских губерний — соответственно 4,8 и 3 % [23, с. 18–19, 34–41].

Аграрная деятельность была одной из главных причин переселенческой политики правительства. Так, в 1896–1914 гг. только за Урал было переселено: из Витебской губернии — 179 тыс. человек, Минской — 114, Могилевской — 271, Орловской — 189, Псковской — 28, Смоленской — 80, Волынской — 76, Киевской — 237, Черниговской — 334 тыс. человек. Переселенцы из БРУП составили 30 % от всех переселенцев 50 губерний Европейской России. На белорусские губернии приходилось 11 %, на российские — 6, на украинские — 13 %. Не так просто осваивались территории, очень трудно приспособлялись переселенцы к сложным климатическим условиям. Из 564 тыс. выходцев трех белорусских губерний за 18 лет назад вернулось 129 тыс. человек [1, с. VI]. Какой процент из них составляли белорусы, установить пока не представляется возможным. О мобильности населения рассматриваемых губерний свидетельствует количество паспортов, получаемых ежегодно в течение 1906–1910 гг., для участия в отхожих промыслах. Так, в Витебской губернии было получено 166,7 тыс., Минской — 99,3, Могилевской — 178,3, Орловской — 267,9, Псковской — 128,3, Смоленской — 219,6, Волынской — 110,5, Киевской — 295,1, Черниговской — 201,1 тыс. паспортов [1, с. XXXIII]. По количеству сельских местных кустарных промысловиков белорусские губернии БРУП занимали последнее место [1, с. XXXIV], что свидетельствовало о преимущественно аграрной деятельности населения белорусской деревни. В 1980 г. С. И. Брук и В. М. Кабузан пришли к выводу о том, что в 1897–1916 гг. новые территории Российской империи заселялись переселенцами из Земледельческого Центра, Левобережной Украины, Поволжья, Восточной Белоруссии и Киев-

ской губернии. Вместе с русскими и украинцами туда переселялись татары, чуваша, мордва, немцы, белорусы и др. [4, с. 85].

Составной частью миграционного процесса была эмиграция в США, Канаду, Аргентину, Австралию и другие государства (европейская, немецкая, итальянская, еврейская, польская, русская эмиграция и др.). Очень трудно проследить национальный состав эмигрантов по губерниям БРУП, но сравнение выявленных сведений позволяет сделать определенные выводы.

По данным Н. А. Переферковича, за 1881–1908 гг. из России выселилось 1,545 млн евреев. Из них 1,25 млн обосновались в США, 150 тыс. — в Англии, по 30 тыс. — в Канаде и Франции, по 20 тыс. — в Аргентине и Палестине, по 15 тыс. — в Германии и Южной Африке, 10 тыс. — в Египте и т. д. Официальные сведения о еврейской эмиграции в США имеются с 1899 г. Очевидно, на основании этого ученый сделал вывод о том, что ее рост в 1905–1908 гг. превышал естественный прирост евреев в России [19, с. 464–465]. По национальному составу 1,5 млн эмигрантов, прибывших из России в США в 1900–1909 гг., распределялись следующим образом: евреи составили 45,4 %, поляки — 26,1, литовцы и латыши — 9,3 и финны — 8,5 %. Как отмечал официальный обозреватель хода эмиграции «Ежегодника России» (издание Центрального Статистического Комитета) в 1910 г.: «Россия отпускает за океан почти лишь граждан нерусского происхождения», способствуя увеличению удельного веса русского населения в западных окраинах страны (выделено нами. — М. С.) [19, с. 466]. В оставшиеся 10,7 %, или 160 500 человек (подсчитано нами. — М. С.) входили, очевидно, русские, украинцы, белорусы и другие этносы.

По данным И. А. Гуревича, на 1000 человек, эмигрировавших в 1897–1910 гг. из 14 европейских государств, выходцев из России было 0,5–1,0 % (предпоследний показатель) [5, с. 1]. В 1911 г. в США выехало (в другие страны сведения не указаны) 186 792 человек. Отмечая, что сведения о национальном составе эмигрантов в США имеются только с 1 июля 1898 г., И. А. Гуревич приводит данные до 30 июня 1910 г. Среднегодовое число прибывавших в США евреев составляло 90 тыс., или 11,2 % (за 12 лет — 1080 тыс. человек. Подсчитано нами. — М. С.), поляков — 79 тыс., или 9,9 % (948 тыс.), литовцев — 15 тыс., или 1,9 % (180 тыс.), русских — 7 тыс., или 0,9 % (84 тыс.) и др. [5, с. 2]. Примерно такие же показатели по национальному составу дала перепись, проведенная в США в 1910 г. среди белого эмигрантского населения. При этом еврейский язык назвали родным 1052 тыс. человек (7,9 %), польский — 944 тыс. (7,1 %), русский — 58 тыс. (0,4 %). Такое количество еврейских эмигрантов из России исследователь объяснял, прежде всего, политическими причинами. Большинство покидало Россию навсегда, уезжали семьями. Это подтверждается самым большим удельным весом детей (25–28,5 %) у еврейских эмигрантов [5, с. 2–3].

Важным критерием отбора эмигрантов являлась их грамотность. В 1898–1910 гг. неграмотные среди прибывших в США в возрасте старше 14 лет составляли 26,7 %. Среди литовцев негра-

мотных было 48,9 %, русских — 38,4, поляков — 35,4, евреев — 26,0 %. Исходя из этих данных И. А. Гуревич полагал, что запрещение на въезд касалось прибывающих из России, Австрии, Италии и балканских государств и почти не затрагивало выходцев из Великобритании, Ирландии, скандинавских государств, Германии и Финляндии [5, с. 10]. В 1910-е гг. иммиграционные службы США стали прибегать к тестам, чтобы не допустить в страну людей с ограниченным интеллектом. Первые результаты тестирования оказались обескураживающими: 79 % итальянцев, 80 % венгров, 83 % евреев и 87 % русских были признаны слабоумными, хотя, очевидно, что результаты находились в прямой зависимости от владения языком, на котором составлялись задания [7, с. 195]. Например, 95 % эмигрантов из Беларуси не знали английского языка, а белорусы вынуждены были селиться среди евреев и даже изучать их язык [29, с. 184–185].

Н. Л. Пушкарева утверждает, что русские (по происхождению) уезжали на постоянное жительство за рубеж, но их эмиграцию (несколько сотен человек) трудно сравнивать и сопоставлять с «исходом» евреев — 38 %, финнов — 13 %, литовцев, латышей, эстонцев — 10 %, немцев — 7 %. В 1890–1900 гг. русские составляли всего 2 % от всех уехавших. По данным германской статистики, через немецкие порты уехали 1200 православных [22, с. 143, 144]. Большинство русских из Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Воронежской и других губерний выезжали в Европу на заработки. Так, в 1902–1912 гг. эмиграция сельскохозяйственных рабочих из России в Германию и Данию составила 4 145 625 человек, а вернулись обратно — 4 020 558 человек (остались 125 007 человек, или 3 %) (подсчитано нами. — М. С.). Из 260 тыс. человек, прибывших в Германию в 1912–1913 гг., русскими записались — 6360 [22, с. 146].

В специальной таблице Н. Л. Пушкарева приводит данные о численности осевших в 1900–1917 гг. эмигрантов от общего количества выехавших за границу. В европейских странах остались 105 тыс. человек (6,8 %) — выходцев из России, в азиатских странах — 60 тыс. (3,6 %), африканских — 4 тыс. (0,3 %), Австралии — 3 тыс. (0,3 %), южноафриканских — 70 тыс. (4,2 %), североамериканских, включая Канаду, куда в 1900–1913 гг. выехали 92 тыс. русских, — 74 тыс. (4,5 %), США — 1300 тыс. (78,5 %), не учтено 30 тыс. человек (1,8 %) [22, с. 146]. Как видим, абсолютное большинство эмигрантов остались в США. Официальный учет реэмигрантов из этой страны начали вести только с 1907 г. За три года назад вернулись 41 % русских, 31 — поляков, 14 — литовцев и только 8 % евреев. Возрастной показатель оставался неизменным — 14–44 года [5, с. 4]. По данным Н. Л. Пушкаревой в 1908–1913 гг. в США из России прибыли 1 076 119 эмигрантов, в том числе 127 285 (11,8 %) русских, а выбыли — соответственно 153 510 и 37 305 (24,3 %). Русских осталось примерно 90 тыс. (подсчитано нами. — М. С.). Русские позже других включились в эмиграционный процесс, но их численность, как и вообще численность эмигрантов из России, стала постоянно возрастать после революции 1905–1907 гг. Если

в 1900–1906 гг. в США выехали не более 20 тыс. человек, то в 1907–1914 гг. — уже 144 тыс. [22, с. 147], т. е. за 15 лет — 164 тыс. человек. Если вычесть из последней цифры количество выбывших (исходя из 24,3 %), то окажется, что на постоянное жительство остались 124 тыс. человек. Можно предположить, что численность русских эмигрантов в США до Первой мировой войны составляла от 90 до 124 тыс.

Исследователи из Украины также отмечают, что определение численности украинских эмигрантов в досоветский период связано со значительными трудностями, поскольку регистрировалось лишь гражданство прибывающих в США лиц. Украинские земли входили в разные государственные образования, поэтому их нередко записывали «русскими», «австрийцами», «венграми», «поляками», «словаками». Считается, что в США в 1899–1914 гг. обособилось 250–300 тыс. украинцев. Основная масса их прибыла из Австро-Венгрии. С 1890 по 1910 г. только из Галиции в США эмигрировали 212 тыс. человек (из России в 1899–1910 гг. — всего 1034 украинца) [6, с. 81].

Историки С. И. Брук, В. М. Кабузан считают, что отток украинцев из России в Америку (в США, Канаду, Аргентину) не был значительным. В 1890–1913 гг. туда эмигрировали 165 тыс. человек, которые в основном были выходцами из Люблинской, Седлецкой, Волынской и Гродненской губерний [3, с. 84; 4, с. 31]. По их подсчетам, в 1897–1916 гг. Россию покинули 3 026,8 тыс. подданных. С. И. Брук и В. М. Кабузан определили два вектора эмиграционных потоков. Во-первых, сотни тысяч людей центральных районов, Приуралья, Поволжья, Левобережной и отчасти Правобережной Украины, Новороссии заселяли и осваивали восточные и южные районы России. Во-вторых, отмечались весьма активное участие выходцев из западных губерний в заселении Америки и незначительная их роль в переселениях за Урал и на Кавказ. Эмигрантов в США «поставляли», главным образом, Сувалковская и Ломжинская, Ковенская и Виленская, Волынская губернии и Финляндия. В 1896–1913 гг. из Польши за океан переселилось 734 тыс. а из Ковенской губернии — около 50 тыс. человек. Более 70 % общего количества эмигрантов составляли евреи и поляки [3, с. 83–84]. Следовательно, в оставшиеся 30 % входили и восточные славяне, и прибалтийские этносы, среди которых белорусы не могли преобладать.

На фоне количественных показателей эмигрировавших в США русских и украинцев явным преувеличением, на наш взгляд, являются данные о 500 и даже 800 тыс. выходцев из Беларуси, которые переселились туда до 1914 г. А. А. Смолич, отмечая трудности в определении числа белорусов-эмигрантов, в 1923 г. приводил такие цифры: 15 тыс. находились в Нью-Йорке, а всего в Америке — сотни тысяч [29, с. 184–185]. В 1924 г. он конкретизировал эти данные — 300–500 тыс. человек [30, с. 54]. В. К. Щербаков в 1930 г. писал, что в Америку из Беларуси выехали до 800 тыс. человек [37, с. 9]. В 1990-е гг. А. В. Тихомиров, со ссылкой на А. Власова и А. Смолича, указал цифру 500 тыс. человек [36, с. 121], а Г. Г. Сергеева писала, что за пределы России из Беларуси до

Первой мировой войны переселились 500–800 тыс. человек [32, с. 119]. Эмиграция из Беларуси в Америку и другие государства, как указывает В. П. Панютин, носила преимущественно характер отхода. Поэтому он считает, что из 800 тыс., названных В. К. Щербаковым, 600 тыс. являлись отходниками [18, с. 82–84]. Обстоятельно проанализировав источники, В. П. Панютин отмечает, что на заработки за границу уходили крестьяне Виленской, Гродненской и Минской губерний, а из Витебской и Могилевской губерний отход встречался очень редко [18, с. 82–84]. Но даже крестьянство Виленской и Гродненской губерний оставалось в Америке «за редким исключением», о чем писали в отчетах в 1909–1910 гг. губернаторы [18, с. 82–84]. Если согласиться, что в заграничных отхожих промыслах в подавляющем большинстве участвовала деревенская беднота [18, с. 82–84], которая, как правило, возвращалась обратно, то возникает вопрос: как беднота трех западных губерний могла составить 500–800 тыс. человек белорусских эмигрантов, осевших в США, Аргентине и других государствах, при высоких требованиях миграционных служб к переселенцам?

В рассматриваемый период значительные массы отходников направлялись на заработки в Германию и Данию. Однако абсолютное большинство (до 97 %) русских подданных, в том числе и белорусов, возвращались обратно. Более реальные сведения об эмиграции в США привел в своей недавней публикации А. В. Тихомиров. Он показал, что менее всего эмигрантов было из Витебской и Могилевской губерний [35, с. 377]. По нашему мнению, поскольку не выявлены статистические данные массовой эмиграции из белорусских губерний БРУП, следует считать, что белорусы-эмигранты были выходцами в основном из Виленской и Гродненской губерний. В 1908–1910 гг. из Виленской губернии за границу выехали 2486 православных крестьян [35, с. 377]. По нашим расчетам, это составляло 29 % из числа выехавших. В 1910 г. 70 % из них вернулись назад на Виленщину [18, с. 82–84]. По сведениям руководства Гродненской губернии, в эмиграции оставалось небольшое количество ее уроженцев [18, с. 82–84], хотя, например, в 1912 г. в Америке находилось более 50 тыс. крестьян этой губернии [35, с. 377–378]. Если предположить, что из них на Гродненщину тоже вернулось 70 %, то среди 30 % (или 15 тыс.) оставшихся были представители разных национальностей. Православные из рассматриваемых двух губерний были белорусами и, по принятым в США критериям учета эмигрантов, конечно, записывались русскими. А. В. Тихомиров, ссылаясь на российский и американского исследователей, пишет, что белорусы составляли значительную часть «русской» эмиграции в США и Латинской Америке и были выходцами преимущественно из губерний Северо-Западного края. Так, в Южной Америке в 1909–1913 гг. православные белорусы составляли 25–30 % верующих [35, с. 381]. Данный показатель, наряду с подсчитанными нами 29 %, дает основание вывести абсолютную цифру белорусов-эмигрантов из 90–124 тыс. русских в США (по нашим подсчетам, могла составлять примерно 30–40 тыс. человек). Поскольку исследователи пользуются различ-

ными исходными данными и разными хронологическими рамками, точные подсчеты сделать трудно, можно показать лишь общие закономерности. Известный российский специалист по истории и этнографии стран Северной Америки Э. Л. Нитобург пишет, что «с 1870 по 1917 г. из России в США прибыло более 3 млн россиян — евреев, поляков, прибалтов, немцев, в том числе до 350—400 тыс. велико-, мало- и белорусов, из которых 100—120 тыс. пришлось на долю великороссов, т. е. русских» [15, с. 171]. Однако эти данные не позволяют рассчитать численность белорусов и украинцев, ставших эмигрантами в рассматриваемый нами период, поскольку охватывают почти 50 лет.

Полученные нами данные о белорусах-эмигрантах, рассредоточенных по отдельным штатам и городам США, позволяют согласиться с утверждением А. В. Тихомирова, что процесс формирования белорусской диаспоры начался в конце XIX в. — 1914 г. И он, и Г. Г. Сергеева справедливо считают, что белорусы за границей не заявили о себе как об отдельном народе. Они, как правило, присоединялись к экономическим, политическим, культурным и религиозным организациям поляков, украинцев, русских [32, с. 119; 35, с. 384]. На наш взгляд, тех 500—800 тыс. человек — выходцев преимущественно из Гродненской и Виленской губерний Северо-Западного края, которых приводят вышеупомянутые авторы, можно считать полиэтничными эмигрантами с абсолютным преобладанием среди них еврейского, польского и литовского населения, но никак не белорусов.

По данным статистики 1916 г., из Российской империи в 1901—1911 гг. в США эмигрировало 1852,8 тыс. человек, в том числе евреев — 43,5 %, поляков — 27,1, литовцев — 9,6, финнов — 8,2, немцев — 5,6, украинцев — 5,1, шведов — 0,7 и прочих — 0,2 % (2,8 тыс. человек) [4, с. 85]. Учитывая, что русские и белорусы могли оказаться в числе «прочих», вообще можно говорить лишь о сотнях белорусов-эмигрантов.

Миграционные процессы существенно не повлияли на естественный прирост населения. Например, в Минской, Могилевской и Волынской губерниях в 1896—1913 гг. он оставался самым большим из-за очень высокой рождаемости в сельской местности. На 1000 человек прирост в этих губерниях составил соответственно 19,48, 19,18 и 19,25 % [24, с. 84].

С началом Первой мировой войны эмиграция сошла «на нет». Однако появилась еще более сложная проблема — проблема беженцев. Вместе с тем, сколько-нибудь полной и точной статистики нет и о беженцах. Это связано с тем, что организации помощи беженцам учитывали лишь тех беженцев и высленцев, которые находились на их иждивении. Количество иждивенцев на 1 февраля 1917 г., когда приток новых беженцев почти прекратился, по данным Центрального всероссийского бюро помощи беженцам, превышал 3 млн человек. Распределение по национальности беженцев-иждивенцев было следующим: русские (главным образом белорусы и украинцы) составляли 1 726 068 человек (54,0 %), поляки — 513 434 (16,3 %), латыши — 285 814 (8,8 %), евреи — 199 895 (6,2 %) (по данным отчета Еврейского центрального комитета помощи жертвам войны, на его иждивении

находились 250 тыс. беженцев), армяне — 120 167 (3,8 %), литовцы — 85 552 (2,7 %), прочие (преимущественно немцы-колонисты) — 192 596 (6,0 %) и неизвестной национальности — 76 986 человек (2,2 %). [8, с. 177]. Установлено, что 3 273 372 беженца были выходцами: из Литвы и Беларуси — 1 320 511 чел., Украины — 537 679, Прибалтийского края — 382 435, Польши — 334 663, Холмской губернии — 271 436, Турции — 126 957, Галиции — 95 202, Кавказа — 20 843, Бессарабии — 2 315, из других районов и неизвестных беженцев — 181 431 человек [8, с. 177]. Например, только из Холмской губернии в результате эвакуации «русского населения» (украинцев) в глубь Российской империи было депортировано 297,8 тыс. (подсчитано нами. — М. С.) [28, с. 137].

К концу 1915 г. беженцы были рассредоточены по всей территории России. Свыше трети из них (36,5 %) осело в городах, а остальные — в уездах. В центральных губерниях оказалось 850 203 человека, прифронтовых — 690 405, в Поволжье — 393 183 и в северных губерниях — 187 552 чел. На Кавказе оказалось 180 621 человек, в Сибири и Средней Азии — 106 158 и в приуральских губерниях — 94 504 человека [8, с. 177].

Количество эвакуированных из 5 белорусских губерний на 1 февраля 1917 г. составило 1 130 042 человека, в том числе из Гродненской губернии — 750 680, Виленской — 164 351, Минской — 161 453, Витебской — 51 594, Могилевской — 1964 человека [31, с. 57]. В 2004 г. М. В. Кобрин привел данные, согласно которым в российских губерниях насчитывалось 1 474 444 беженца из Беларуси [9, с. 235].

В статье А. Н. Курцева национальный состав 3,2 млн беженцев в России (без Закавказья) на конец 1916 г. показан следующим образом: русские — 58,8 %, поляки — 15,0, латыши — 10,0, евреи — 6,4, литовцы — 2,8, эстонцы и др. — 7,0 %. Однако с учетом закавказских беженцев (почти 13 % ко всем 3,6 млн беженцев) указанная доля «русских» снижается до 50 %. [10, с. 141]. По нашим подсчетам эта доля составила 1,8 млн чел. Как известно, под «русскими» понимались велико-, мало- и белорусы. А. Н. Курцеву удалось выявить сведения о национальном составе беженцев, где русские, белорусы и украинцы показаны раздельно. Так, в Белгородском уезде Курской губернии осенью 1916 г. проживало 10,2 тыс. беженцев. Из них российские подданные украинской национальности составляли 34,1 %, поляки — 24,7, собственно русские (великороссы) — 16,5, белорусы — 11,8, евреи — 5,2, литовцы — 4,9, российские немцы-колонисты — 0,6, латыши — 0,1 %. Перепись беженцев в Петрограде и его пригородах 26 февраля 1916 г. выявила 101 тыс. беженцев, в том числе латышей — 23,2 %, поляков — 22,6, русских — 20,9, литовцев — 6,7, евреев — 4,4, эстов — 0,8, немцев — 0,5, армян — 0,1, «прочих» — 0,7, а также людей, «не указавших национальности», — 20,1 %, из которых, исходя из религиозной принадлежности, примерно 7 тыс. человек отнесли к «русским». Но и тогда общий удельный вес так называемых русских беженцев едва достиг 28 % (28,3 тыс. человек. — М. С.). А. Н. Курцев пишет, что большинство беженцев не были русскими [10, с. 141—142].

Для получения данных о беженцах-белорусам проведем следующие расчеты. Выше указано, что в Курской губернии среди беженцев было 11,8 % белорусов. В Нижегородской губернии среди 52 065 беженцев насчитывалось 10 784 белоруса [21, с. 26], или 21,7 % (проценты подсчитаны автором). Проанализировав приведенные выше абсолютные цифры о беженцах из Беларуси и рассчитанные нами низший и высший показатели удельного веса белорусов в двух губерниях, получим следующие данные: 11,8 и 21,7 % от 1,13 млн человек — 133 и 245 тыс. белорусов-беженцев, от 1,32 млн человек — 156 и 286,5 тыс., от 1,47 млн — 174 и 320 тыс. человек, от 1,8 млн «русских» беженцев (по А. Н. Курцеву, примерно столько же и по А. Д. Киржницу) — 212 и 390,6 тыс. человек, от 28,3 тыс. «русских» беженцев в Петрограде и его пригородах — 3339 и 6141 белорусов-беженцев. Если этот расчет провести от общего количества беженцев (3,27 млн), то получим соответственно 386 и 710 тыс. (среднестатистический показатель — 548 тыс. человек). Мы допускаем, что полученные данные от 133 до 390,6 тыс. (среднестатистический показатель — 262 тыс. человек) белорусов-беженцев являются еще более приблизительными, но точных цифр пока никто не приводил. Если учесть, что из Минской, Витебской и Могилевской губерний беженцев было меньше в 4,23 раза, чем из Гродненской и Виленской губерний, которые дали абсолютное большинство польских, еврейских, литовских, латвийских, украинских и немецких беженцев, а из Могилевской — всего около 2 тыс. человек, то полученные нами данные о беженцах-белорусах могут еще уменьшиться. Включение в научный оборот среднестатистических данных от 262 до 548 тыс. белорусов-беженцев позволяет считать, что цифры 1,13 или 1,47 млн человек — это все беженцы из Беларуси, которые оказались в российских губерниях, но не белорусы-беженцы. С учетом того, что иногда велся двойной учет беженцев, что в неоккупированных частях Беларуси — Виленской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях — среди всех беженцев православные белорусы и русские составляли 101 587 человек, а католики-белорусы и поляки — 106 198 человек [11, с. 294], есть основание предполагать о еще меньшем количестве белорусов-беженцев за пределами губерний БРУП.

Хотя состояние источников не дает возможность выразить в цифрах точные размеры миграции, переселения, проблемы беженцев, эмиграции,

реэмиграции и т. п., но в этих процессах белорусам, в абсолютном большинстве крестьянскому населению, была присуща своя специфика. Низкий уровень грамотности, общей культуры, профессиональной подготовки белорусского крестьянства, которое более всего было приспособлено к земледельческому труду, желание получить землю в собственность у себя на родине являлись сдерживающими факторами в эмиграции их за пределы Российской империи. Большинство белорусов участвовало во внутривосточной миграции. Из населения БРУП, участвовавшего в восточном векторе миграции, по количеству и мобильности они находились на втором месте после украинцев.

Большую часть эмигрантов из России составляли евреи, которые уезжали преимущественно по политическим мотивам. Экономическими причинами была обусловлена эмиграция поляков, литовцев, латышей, финнов и восточнославянского (православного) населения. Из последних наибольшей активностью выделялись украинцы и русские, а затем уже белорусы. Анализ показал, что для всего населения БРУП, кроме Волынской губернии, в большей степени была характерна внутренняя миграция, чем эмиграция за границу. Из белорусских губерний БРУП эмиграция населения за границу была незначительной. Например, в США из пяти белорусских губерний эмигрировало около 30–40 тыс. этнических белорусов.

На изменение численности населения внутривосточная миграция и эмиграция существенного влияния не оказали, так как до 1914 г. наблюдался значительный естественный прирост населения, особенно в белорусских губерниях БРУП. В годы Первой мировой войны проблема беженцев и вопросы депортации оказали влияние на естественный и механический прирост населения, но не привели в целом к значительному уменьшению абсолютной численности этнических белорусов. Полученные результаты позволяют более полно раскрыть содержание этнокультурных процессов, которые происходили в рассматриваемый период в БРУП. В дальнейшем предполагается выявить, в какой мере миграционные процессы повлияли на образовательный, профессиональный и общекультурный уровень белорусского населения исследуемого региона не только в указанный период, но и в первое десятилетие после 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авиллов, Б. В. Статистический обзор развития народного хозяйства в дореволюционной России // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». Изд. 7-е. М., [Б. д.]. Т. 36. Ч. IV. Россия (продолжение). С. I—LVI.
2. Бобков, А. М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г.: у 2 ч. Мінск: Універсітэцкае, 1994. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. С. 131–138.
3. Брук, С. И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.) / С. И. Брук, В. М. Кабузан // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93.
4. Брук, С. И. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) / С. И. Брук, В. М. Кабузан // Сов. этнография. 1980. № 6. С. 18–34.
5. Гуревич, И. А. Переселение за Океан // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: в 56 т. / под ред. Ю. С. Гамбарова [и др.]. 11-е изд. М., [Б. д.]. Т. 31. С. 506 (приложения 1–16).
6. Евтух, В. Б. Украинцы в дальнем зарубежье // Украинцы. М.: Наука, 2000. С. 81–95.
7. Жуков, Б. Рудетка для души // Вокруг света. 2008. № 3. С. 193–198.
8. Киржниц, А. Д. Беженство // БСЭ. 1-е изд. М., 1930. Т. 5. С. 176–178.

9. Кобрын, М. У. Бежанцы і Беларускі нацыянальны рух у 1914–1920 гг. // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэрыялы рэсп. наук. канф., 26 сак. 2004 г.; рэдкал.: А. П. Жытко (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДПУ, 2004. С. 233–236.
10. Курцев, А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. colloквиума, Санкт-Петербург, 1–5 июня 1998 г.; редколл.: Н.Н. Смирнов (отв. ред.) [и др.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129–146.
11. Лапановіч, С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і недзяржаўных арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Бел. дзярж. ун-т імя Максіма Танка. Мінск, 2002.
12. Матюнин, С. В. Белорусская диаспора // Белорусы. М.: Наука, 1998. С. 35–59.
13. Моисеенко, В. М. Миграция населения // Народонаселение: энцикл. словарь / гл. ред. Г. Г. Меликян; ред. колл.: А. Я. Кваша [и др.]. М.: Большая Рос. энцикл., 1994. С. 231–237.
14. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. Т. 1: 1900–1939 гг.: В. Б. Жиромская (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 2000.
15. Нитобург, Э. Л. Рец. на: А. А. Хисамутдинов. В Новом Свете, или История русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток, 2003 // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 169–171.
16. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. / Первая всеобщая перепись Рос. империи 1897; под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 1. СПб.: Паровая типография Н. Л. Ныркина, 1905.
17. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001.
18. Панютин, В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии (1861–1914 гг.). Минск: Наука и техника, 1969.
19. Переферкович, Н. А. Евреи в России // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат»: в 56 т. / под ред. Ю. С. Гамбарова [и др.]. 7-е изд. М., [Б. д.]. Т. 19. С. 445–503.
20. Приложение. Картogramмы и диаграммы / Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. / Первая всеобщая перепись Рос. империи 1897; под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 1. СПб.: Паровая типография Н. Л. Ныркина, 1905.
21. Протоколы, постановления и материалы Всероссийского Съезда Беженцев из Белоруссии в Москве 15–21 июля 1918 года. М.: Изд-во Бел. Нац. Комиссариата, 1918.
22. Пушкарева, Н. Л. Русские за рубежом // Русские. М.: Наука, 2003. С. 141–157.
23. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных Первой всеобщей переписи населения Рос. империи 28 января 1897 года / Первая всеобщая перепись Рос. империи 1897; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905.
24. Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / под ред. С. Г. Струмилина. М., 1956.
25. Реэнт, О. П. Україна в період Першої світової війни: історіографічний аналіз / О. П. Реэнт, Б. М. Янишин // Україн. іст. журн. 2004. № 4. С. 3–37.
26. Селиванов, А. В. Сотрудничество Республики Беларусь с международными организациями в формировании национальной системы защиты беженцев: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / БГУ. Минск, 2006.
27. Сердюк, О. Біженство в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ, 2002. Вып. 4. С. 111–132.
28. Скляр, С. А. Польско-украинский территориальный спор и великие державы в 1918–1919 гг. // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 130–167.
29. Смоліч, А. А. Геаграфія Беларусі. Выд. 3, перапрац. і дапоўн. Вільня: Вілен. выд-ва Б. А. Клецкіна. Бел. адзел, 1923.
30. Смоліч, А. А. Эканамічнае становішча Беларусі перад вайной і рэвалюцыяй // Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культурынага і рэвалюцыйнага руху / рэдкал.: А. Сташэўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Выд. ЦВК БССР, 1924. С. 22–77.
31. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии, 1917–1925. Минск: Университетское, 1985.
32. Сяргеева, Г. Г. Эміграцыя // Беларус. энцикл.: у 18 т. Кн. 1 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2004. С. 119.
33. Тихонов, Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука, 1978.
34. Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2003.
35. Ціхаміраў, А. В. Масавая эміграцыя з Беларусі. Пачатак фарміравання беларускай дыяспары // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пач. XX ст.). Мінск: Экаперспектыва, 2005. С. 376–385.
36. Ціхаміраў, А. В. Пытанні масавай эміграцыі з Беларусі ў ЗША (80-я гады XIX ст. – 1914 г.) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г.: у 2 ч. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. Мінск: Універсытэцкае, 1994. С. 119–123.
37. Шчарбакоў, В. К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя. Мінск: Белдзяржвыд., 1930.

«Миграционные процессы в белорусско-российско-украинском пограничье (конец XIX в. – 1917 г.)» (Михаил Старовойтов)

В статье на основе анализа большого количества статистического материала рассматривается участие населения белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП) в миграционных процессах в конце XIX в. – 1917 г. Автор стремился показать, в какой мере переселенчество, отходничество, эмиграция и проблема беженцев затронули население белорусских губерний исследуемого региона и, прежде всего, этнических белорусов. Сравнительный анализ проблемы позволил рассмотреть процессы, затронувшие население БРУП, в общероссийском историческом контексте. Третья часть населения белорусских губерний была рассредоточена в соседних губерниях БРУП. Оно в абсолютном большинстве участвовало в миграционных процессах не в западном, а в восточном направлении. Впервые в отечественной историографии путем аргументированных расчетов получены достаточно достоверные абсолютные показатели о численности белорусов-эмигрантов и белорусов-беженцев.

Полученные результаты будут использованы при изучении динамики численности, образовательного, профессионального и общекультурного уровня белорусского населения и в целом этнокультурных процессов в белорусско-российско-украинском пограничье.

«Migration Processes in Belarusian-Russian-Ukrainian Borderland (the End of the 20th Century – 1917)» (Mikhail Starovoitov)

The article relies on the study of vast statistics to explore how Belarusian, Russian and Ukrainian borderlands population participated in the migratory processes at the end of the 20th century till 1917. The author strives to show to what extent relocation, temporary labour migration, emigration and refugee problems affected the population of Belarusian provinces in question, and, first of all, the ethnic Belarusians. The comparative analysis allowed to view these processes within the general historical context of the Russian Empire. One-third of Belarusian provinces population was scattered in the neighbouring provinces of the borderlands. They mainly participated in the eastward migration, not in the westward one. It is the first time in the national historiography that the absolutely reliable absolute data on the Belarusian emigrants and Belarusian refugees has been received.

The results obtained can be used to study the dynamics of the number, of the educational professional and general cultural levels of the Belarusian population and, on the whole, of the ethnic cultural processes in Belarusian, Russian and Ukrainian borderlands.